

Медленно гаснет свет в зрительном зале. Раздвигается занавес, и на белом тюле возникает черный прямоугольник, в котором ярко горят буквы слов: «40-летию Октября. «Оптимистическая трагедия», 1918 год».

Так начинается спектакль Всеволода Вишневского в Карагандинском областном театре русской драмы. Сцена превращена в палубу военного корабля. За бортом плещут волны, солнечный луч скользит по обшивке двери, ведущей в кубрик, забирается на капитанский мостик. Но картина эта далеко не мирная. Об этом свидетельствуют направленные вперед стволы пушек, хмурые лица матросов. Вся сценическая обстановка соответствует тревожному настроению первой картины спектакля, рисуемой одним из напряженных моментов революционной борьбы за власть Советов. Идет упорный поединок между женщиной-комиссаром и полуанархическим отрядом моряков, поединок, который приносит победу комиссару. Кожанка, накинутая на плечи, скромная черная юбка—весь внешний облик этой женщины, простой и строгий, вполне отвечает представлению зрителей о революционерках того времени.

Чем же достигается эта жизненность обстановки и образов? Прежде всего, простой и убедительной игрой актеров. «Единственный царь и владыка сцены—талантливый артист»,—говорил К. С. Станиславский. Но театр—это, как известно,—искусство синтетическое, сочетающее выразительные средства драматургии, актерской игры, режиссуры, живописи, музыки. Поэтому актерское творчество неотделимо от творчества художника-гримера, костюмера, осветителя или шумовика, от тех, кого не видит зритель, но кто незримо присутствует в каждом спектакле.

Уже с самого начала работы над спектаклем в нее включается ху-

дожник-гример. Он присутствует на читке пьесы, знакомится с эпохой, к которой относится ее действие, с социальным положением героев, их характерами. Его задача—изменить лицо актера так, чтобы задуманный образ соответствовал режиссерской трактовке и помог актеру с максимальной полнотой, яркостью и убедительностью воплотить его на сцене.

Не так-то это просто—найти нужный грим. Но двадцатилетний опыт работы помогает художнику-гримеру Карагандинского театра русской драмы Сергею Александровичу Бурлакову неизменно добиваться успеха. Он, если можно так выразиться,—потомственный гример. Этой специальностью в совершенстве владел его отец—Александр Иванович, гримером в Гродненском областном театре работает сейчас его мать Варвара Михайловна.

Наибольшей своей удачей Сергей Александрович считает работу над образом В. И. Ленина, роль которого исполнял артист Калачанов. В театре нашлось немало скептиков, утверждавших, что артист мало похож на Ильича, что добиться внешнего сходства будет нелегко. Более двух месяцев шли поиски нужного грима. Бурлаков собрал до 20 рисунков, литографий, портретов Ленина. Гримирова артиста, фотографировал его, сравнивал снимок с имеющимися репродукциями, вносил коррективы и снова фотографировал. И в конце концов одержал победу—эта его работа была высоко оценена.

Два—три резких мазка, неожиданная форма наклейки совершенно изменили лицо артиста Филиппова, играющего вожак анархистов в «Оптимистической трагедии». Торчащие злые «моржовые усы», наспившиеся брови, крупный хрящеватый нос—все это придало добродушному лицу артиста суровость, силу,

Но без соответствующего костюма внешний облик действующего лица будет неполным. Костюм помогает артисту почувствовать себя тем, кого он играет. Вот почему так велика в театре роль костюмера. Закройщица Лилия Борисовна Вертман, работавшая ранее в ателье мод, рассказывает: «Здесь мы создаем не только костюмы, но и образы, а для этого нужно знать и чувствовать стили костюмов различных исторических эпох. Кроме того, надо уметь сочетать цвета и фактуру костюмов с фоном декораций и остальным оформлением». Этим умением в равной степени обладают и Лилия Борисовна Вертман, и заведующая костюмерной Людмила Ивановна Попова, отметившая недавно четверть века своей работы в театре.

Жизненно-правдивую обстановку на сцене помогает создать и освещение. При помощи его можно добиться впечатления огромного пространства на небольшой сцене,—придать объем, рельефность декорациям, окрасить их в любой цвет, изобразить время суток, создать настроение, соответствующее переживаниям героев. Немногие зрители подозревают о том, какое большое и сложное хозяйство у осветителя нашего театра Ивана Петровича Кочкина. В люке, под сценой, находится регуляторная будка. Здесь, у пульта осветителя, и продлевает он большую творческую работу. Несколько движений рукояткой регулятора—и грубой бутафории, деревянных каркасов, холщевой обивки, как не бывало. Живой, красочный мир возникает там, где только что была обнаженная условность постановочной техники. Нужные световые эффекты достигаются использованием всего светового оборудования—рампы и софитов, освещающих сцену снизу и сверху, переносных прожекторов и видимых зрителю источников света.

Надпись, возникающая на тю-

левом занавесе перед началом первого акта «Оптимистической трагедии», отблеск костра—в последнем, яркий сноп света, вырывающийся в предутренней мгле одинокую фигуру комиссара в блиндаже, волны, переливающиеся за бортом корабля—все это дело рук одного человека—Ивана Петровича Кочкина. В театр он пришел сравнительно недавно, демобилизовавшись из армии, где был старшим электромехаником радиороты. Свою работу он любит и знает хорошо. В тесном контакте с ним работает шумовик Юрий Ельцов. Если на сцене гремит гром, дует ветер или идет дождь и все это точно имитирует настоящие явления природы,—знайте, что за кулисами орудует различными шумовыми аппаратами и приспособлениями Юрий Ельцов.

На сценическое самочувствие актера в значительной мере влияет окружающая его мебель. Она изготовляется в поделочном цехе театра, которым вот уже восемнадцать лет руководит Василий Сергеевич Мудров. По профессии он—столяр, но столяр не простой. Он может выполнить любой заказ, начиная от вставок, станков, лестниц и других сценических конструкций и кончая изящной мебелью различных эпох и стилей. К сожалению, в мастерской Василия Сергеевича нет всего нужного оборудования, и это очень затрудняет его работу.

К поделочному цеху примыкает бутафорский. Здесь хозяйничает Лидия Смаглюк—выпускница Киевского архитектурного техникума. Она делает различные предметы и детали декораций из папье-маше, дерева, стекла, бумаги и других материалов. Стволы пушек, травяные ковры, покрывающие холм и многое другое удачно выполнено ею для «Оптимистической трагедии». В художественно-декоративной мастерской окончательно отделяются изделия этих двух цехов. Но главная задача художников-декораторов—выполнить все живописные работы по эскизам художника-автора.

Есть еще один цех в театре, от

которого также зависит успех спектакля. Это—реквизитный цех. Попробуйте не подать вовремя ружье артисту, неправильно сервировать стол—и все пойдет насмарку. Реквизитор должен учитывать каждую мелочь. Даже коробок спичек, который он вручает актеру, должен быть заранее проверен—нет ли в нем жженой спички. Чтобы не подать пани Дульской автоматическую ручку, а герою пьесы Чехова—журнал «Огонек», реквизитор обязан знать, к какому времени относится действие пьесы. У Иды Петровны Залесовой таких казусов не бывает. В Карагандинском областном театре она работает шесть лет. За это время выросла от рабочей до заведующей реквизитным цехом.

Ловкость, физическая сила, сообразительность, хорошая память—этими качествами должны обладать рабочие сцены. За десятиминутный антракт им приходится разбирать и ставить новые декорации, опускать «горизонт»—белое полотно, изображающее воздух, или менять «задник», покрывать станки травяным ксвром и выполнять множество других мелких работ. За тем, как выполняют их Геннадий Мудряков, Борис Панарин, Виктор Кошуб и другие рабочие, зорко следит машинист сцены Александр Болотов. Вместе со своими подопечными он непременно присутствует при обсуждении эскизов или макетов. Это необходимо для последующей работы. Разнообразен круг обязанностей заведующего постановочной частью Александра Дмитриевича Трусевича, который координирует работу всех цехов.

Итак, спектакль—плод творчества целой группы людей. Его судьба зависит от усилий труда каждого, даже самого незаметного члена большого коллектива.

... Спектакль «Оптимистическая трагедия» подходит к концу. На сцене артисты любят, борются, умирают, а за кулисами продолжается напряженная, творческая жизнь тех, кого не видит зритель.

И. ЛЯХОВСКАЯ.